

[Да где это видано, чтобы контрольная точка выпадала прямо на цветке-голове?!]

[Да еще и на том, который Юань-цзай превратил в сухоцвет...]

[Я знаю, что в подземельях контрольные точки часто появляются в опасных местах, но это уже какой-то запредельный рандом.]

[Даже сказать нечего. Близнецы Жуань три дня землю носом рыли и ничего не нашли, а Уюаню стоило просто руку протянуть.]

[Контрольная точка: «Я не какая-то там дешёвка, я сама выбираю игроков, к которым буду приставать».]

В голове Ци Уюаня раздался знакомый электронный голос Системы. На левом запястье проступил штрих-код, мягко засиявший призрачным голубым светом, который в полумраке ванной выглядел пугающе красиво. Как только отметка была зафиксирована, свечение погасло, и символ снова скрылся под кожей.

Ци Уюань опустил взгляд на цветок-голову. Застывшее на лице монстра свирепое выражение сохранилось идеально — герметик зафиксировал каждую эмоцию, не давая им поблекнуть. Мужчина расслабил правую руку: теперь он в любой момент мог выхватить талисман.

«Кап».

С первой упавшей каплей тишина в ванной начала необратимо меняться.

«Кап... кап...»

Желтый свет ламп внезапно погас. Под неритмичные звуки падающей воды освещение начало пульсировать в лихорадочном ритме. Ци Уюань не шелохнулся. Когда лампы вспыхнули в первый раз, раздался влажный хлопок — цветок-голова рухнул на пол и мгновенно растворился в воздухе.

Свет зажегся лишь на мгновение, и стоило Уюаню осознать, что трофей исчез, как тьма снова сомкнулась.

В этой черноте нечто невидимое скользило вокруг него, меняя саму структуру реальности. Вспышки света стали лишь короткими промежутками между приступами тьмы. То загорались теплые лампы обогревателя, то мертвенно-бледные люминесцентные трубки, сменяя друг друга в безумном калейдоскопе.

Каждый раз, когда вспыхивал желтый свет, обстановка в ванной откатывалась на годы назад. При второй вспышке Ци Уюань увидел, как трещины на зеркале, которые он сам и оставил, стягиваются, возвращая стеклу первозданную гладкость.

Когда же зажигался белый свет, перед глазами Уюаня проносились фрагменты воспоминаний о людях, встретивших здесь свою смерть. Лица сменялись одно за другим. Каждый из них был заперт в крошечном пространстве, отрезанный от мира невидимой стеной. С застывшими, лишенными воли лицами они механически поднимали зазубренные тесаки и наносили удары по самим себе. Они не останавливались, даже когда силы покидали их, продолжая кромсать собственную плоть тупыми лезвиями, пока не истекали кровью или не перебивали жизненно важную артерию.

Это были фрагменты гибели игроков, заходивших в этот мир до него. Если бы Ци Уюань сдался, его предсмертные судороги стали бы первым, что увидел бы следующий гость подземелья.

Промежутки тьмы становились всё короче, а фазы света — длиннее. Старая ванная постепенно становилась новой, сияющей чистотой. Под мертвенно-белым сиянием череда одинаковых смертей наконец прервалась. Появилось новое видение.

Маленький Сяо Фэн, на вид лет шести-семи, был прижат женской рукой к холодному кафелю ванны. Женщина, крепко сжимая его шею, с силой погружала голову мальчика в воду. Каждые несколько десятков секунд она выдергивала его наверх, давая вдохнуть, а затем снова топила.

Ци Уюань шевельнул пальцами. Это было воспоминание о прошлом — изменить его он не мог. Мужчина перевел взгляд на женщину, и в его глазах сгустился холодный мрак.

Она продолжала окунать ребенка в воду, извергая потоки ругательств, давая выход своей желчи:

— Проклятое отродье! Я же говорила тебе — я не могла родить такого псिनного сына!

— Ты мне не сын!

— Сколько раз повторять: не смей называть меня «мамой» при людях!

Хватка на шее мальчика становилась всё сильнее. Чем больше она кричала, тем меньше в ней оставалось спокойствия: гнев не утихал, а лишь порождал новую, еще более густую ненависть. Пытка продолжалась бесконечно.

Лишь когда лицо Сяо Фэна окончательно побелело и он впал в забытие, женщина поняла, что еще немного — и ребенок умрет. Только тогда она остановилась. Она точно знала грань: Сяо Фэна можно было истязать, но нельзя было убивать. Мучить своего ребенка за закрытыми дверями — это «воспитание», а убить — это уже преступление. Она прекрасно осознавала

разницу.

Женщина поднялась и холодно посмотрела на Сяо Фэна, брошенного на пол. Её взгляд был ясным и лишенным каких-либо эмоций. В ней не было и тени того безумия, о котором шептались кумушки во дворе. Считать её нормальной было бы ошибкой.

Она была прирожденным социопатом. Женщина в деталях понимала, что творит, и никогда не знала ни тени раскаяния за побои и издевательства.

Ци Уюань молча досмотрел эту сцену до конца. Зрители в чате буквально задыхались от ярости, требуя, чтобы Уюань стер эту тварь в порошок.

Но воспоминание закончилось, и белый свет погас. Во тьме звуки капающей воды участились, превращаясь в лихорадочную дробь.

Через секунду одновременно вспыхнули и желтые, и белые лампы. Ванную наполнил тошнотворный, густой запах крови. Пол был усеян кусками плоти — Ци Уюаню едва хватало места, чтобы стоять, не касаясь этого месива.

«Тюк, тюк, тюк...»

В углу раздался резкий звук рубящего удара. Широкоплечий мужчина сидел у ванны с сигаретой в зубах, методично уничтожая следы преступления. Он с усилием работал тупым тесаком, разделявая тело. Брызги крови покрывали всё помещение, даже на потолке виднелись багровые полосы. От тяжелых ударов задрожала раковина.

Голова, лежавшая в чаше умывальника, от вибрации перевалилась через край и покатилась по слегка наклонному полу, пока не замерла у самых ног Ци Уюаня.

— Беги... скорее...

Из-под его ног донесся едва различимый, хриплый шепот. Голова повторяла лишь два слова.

«Беги. Скорее».

Уюань опустил взгляд. Лицо головы было наполовину скрыто, прижатое к полу. Ци Уюань слегка отодвинул ногу, и голова по инерции повернулась.

Это было его лицо.

Неожиданно увидев собственную голову в таком плачевном состоянии, Ци Уюань не сдержался

и негромко рассмеялся. Гнетущая атмосфера ужаса была бесцеремонно разрушена этим неуместным звуком.

— Прошу прощения.

Смех эхом отразился от стен ванной. Улыбка никак не хотела покидать лицо Уюаня — вид «собственной» головы, столь жалко валяющейся на полу, казался ему невыносимо забавным.

— Знаешь, мне кажется, ты кое в чем ошиблась.

Ци Уюань достал простой талисман очищения сердца. Чувство страха было ему почти незнакомо. Он не верил, что Четвертый мир способен заставить его по-настоящему испугаться смерти. В какой-то степени Уюань был крайне самонадеянным человеком.

— Я никогда не стану этим покойником.

Он приподнял уголки губ:

— Твоя иллюзия просто до смешного нелепа.

Стоило ему договорить, как Ци Уюань раскрыл ладонь, и талисман сам собой вспыхнул, рассыпавшись пеплом. Морок мгновенно рассеялся.

В непроглядной тьме ванной прямо к лицу Ци Уюаня приникла женщина. У неё не было кожи на лице, и их разделяло от силы двадцать сантиметров — дистанция, которая была гораздо меньше зоны комфорта Уюаня. Сероватые мышечные волокна на её лице мелко подрагивали. В руке она сжимала тот самый тесак, что постоянно мелькал в видениях. Лезвие было покрыто рыжими пятнами ржавчины и запекшейся кровью.

Всё внимание Ци Уюаня было приковано к ножу: он думал о том, что от такого старья обязательно подхватишь столбняк.

Впервые столкнувшись с таким полным игнорированием, женщина в ярости взмахнула рукой и хрипло закричала:

— Как ты выбрался?!

Она видела слишком много чужаков, которые неведомым образом оказывались в её доме. За годы она выучила все их повадки — большинство пыталось окружить её теплом и заботой. Но этот...

Этот был особенным. Он даже не взглянул на человеческое лицо, которое она специально повесила за ложным окном в спальне. Зеркало, которое должно было нагнетать атмосферу, он разбил в первый же день. А самое главное — когда он, как и остальные, угодил в её тщательно расставленную ловушку в ванной, он просто взял и вышел из неё.

Женщина не могла с этим смириться. С тех пор как она стала призраком, ничего подобного не случалось! Она никогда не проигрывала игрокам. И уж тем более не могло быть так, чтобы ни одна из её заготовок не сработала. Неужели ему не было страшно при виде той кожи за окном? Неужели вид «себя», расчлененного убийцей, не пошатнул его рассудок?

Она отказывалась верить, что человек может быть совершенно лишен страха. Если бы воля Ци Уюаня дрогнула в иллюзии хотя бы на миг, она бы постепенно изменила его, заставив убить себя собственными руками. Так бы она получила еще одну замену.

Но теперь всё пошло прахом. Если не найдется козла отпущения, который заменит её и усыпит бдительность того демона... она развеется. Нет, этого нельзя допустить!

При мысли о жутком конце, который ждал её в качестве мести того чудовища, взгляд женщины наполнился свирепостью. Даже никчемный охранник из 402-й квартиры смог прикончить своего козла отпущения, неужели она не справится с этим смертным?

Ци Уюань проигнорировал её неистовые вопросы. Он сделал шаг назад, восстанавливая дистанцию и выводя призрак из своей зоны комфорта. Женщина, чье самолюбие было уязвлено, сверлила его взглядом, ища возможность для новой иллюзии.

— На меня это не действует, — небрежно бросил Уюань. — Можешь проверить, если не веришь. Но я бы советовал сменить тактику.

Ци Уюань повел правой рукой. Из его ладони вырвалось красивое пламя с голубым шлейфом. Он посмотрел на призрака, который когда-то звался «мамой Сяо Фэна», и в его обычно холодном взгляде закипел гнев. Свирепое неистовство, скрытое под ледяной коркой, едва не вырвалось наружу.

— Здравствуй, первый опекун. Я — новый опекун, пришедший позаботиться о Сяо Фэне.

В его спокойном, официальном тоне послышался голос кошмарного монстра, пробудившегося в глубинах бездны. Призрак женщины, привыкший чутя опасность, внезапно ощутил неодолимое желание бежать.

Человек перед ней произнес последнюю фразу:

— Тебя заменили.

<http://bllate.org/book/15852/1441866>